В конце 80-х годов прошлого века на основании анализа ряда исследований истории педагогики (С.А. Князькова и Н.И. Сербова, О.Е. Кошелевой, Л.В. Мошковой и ряда др.), работ по общегражданской истории России (в частности, В.О. Ключевского, Р.Г. Скрынникова, С.М. Соловьёва, Н.Я. Эйдельмана, А.Л. Янова и некоторых других), а также материалов своих исследований я пришёл к выводу о том, что феномен воспитания вполне справедливо рассматривать как один из архетипов русской культуры.

Исторический и историко-педагогический анализ феномена воспитания как архетипа русской культуры, а также изучение массива данных о современном состоянии российского населения, в том числе подрастающих поколений, и так называемого «образовательного пространства» дают основание для важного, как мне представляется, вывода.

Раскол и воспитание

Реальности российского бытия и в ретроспективе, и в современности, и, боюсь, в перспективе тоже (и не только в ближайшей), во многом связаны (или даже определяются, а уж подвержены существенному влиянию точно) с таким феноменом, который обозначается термином раскол. Наличие этого феномена в различные периоды русской истории (от древности до наших дней) позволяет предположить, что раскол можно рассматривать как один из архетипов русской культуры. И поскольку этот архетип существенно влиял, влияет и будет влиять на бытование воспитания как одного из социальных институтов российского общества (другого архетипа русской культуры), постольку имеет смысл рассмотреть его под углом зрения социально-педагогического знания. Это важно потому, что даже самый приблизительный анализ российской истории и современности позволяет полагать, что раскол следует рассматривать как один из весьма существенных контекстуальных механизмов социализации и воспитания как одной из её составляющих. В словарно-справочной литературе до весьма недавнего времени (да и сегодня нередко тоже) раскол трактуется как «отпадение от Российской православной церкви больших групп верующих». Подобное толкование восходит, видимо, к словарю В.И. Даля: «Раскол — отступление от учения и правил

церкви». Вслед за ним аналогично, но более подробно трактовали раскол «Энциклопедия Брокгауза и Эфрона» и другие справочники конца XIX — начала XX веков.

Толкование термина раскол как относящегося к сфере церковной жизни сохранилось (речь идёт об энциклопедических словарях и энциклопедиях) вплоть до «Современного толкового словаря» (2003 год), в котором раскол определяется как «отделение от Русской православной церкви части верующих, не признавших церковной реформы Никона 1653–1656 гг. Во второй половине XVII–XVIII вв. был идейным знаменем оппозиционных движений». Во многих изданных в последние два десятилетия энциклопедиях и энциклопедических словарях термина раскол либо нет, либо сам феномен, если и упоминается или даже рассматривается, то опять же как относящийся к делам церковным в статьях, посвящённых истории России, истории Русской православной церкви и др. (См., например, «Новая философская энциклопедия». — М., 2000–2001; «Политология». Энциклопедический словарь. — М., 1993. и др.)

Однако уже в конце XIX — начале XX веков религиозно-церковное понимание раскола утратило монополию в связи с тем, что в русской философии и публицистике этого периода термин раскол стал использоваться рядом авторов для характеристики современных им и исторически предшествовавших различных реалий русского социума.

Русские философы серебряного века (как, впрочем, ранее славянофилы, употреблявшие другие слова) писали о трагических следствиях петровских преобразований — расколе русского социума, который привёл к возникновению двух субэтносов, обозначаемых ими как дворянский и крестьянский или как «цивилизация» и «почва». (Попутно замечу, что, видимо, этот аспект проблематики раскола актуален лишь для определённого географического ареала, который в титуле самодержцев всероссийских именовался «Великие, Малые и Белые Руси» с добавлением Новороссии и Тавриды. В Царстве Польском, Великом княжестве Финляндском, Остзейских и Закавказских губерниях, в губерниях и автономиях Средней Азии реалии были иные.)

Итак, можно констатировать, что в последней трети XIX века появился и набирал силу подход к трактовке проблемы раскола в российской истории, не ограничивавшийся только её религиозно-церковными аспектами, а рассматривавший эту проблему как одну из коренных для российского социума. Традиция этого подхода была, естественно, прервана и уничтожена в советские годы.

Тем не менее, вопреки господствующей идеологии, видимо, в 70-е или в начале 80-х годов XX столетия отечественный исследователь А.С. Ахиезер, работавший на стыке истории, философии и культурологии, разработал оригинальную теорию социокультурного раскола как специфической формы социокультурного кризиса в России. Социокультурный раскол, по мнению А.С. Ахиезера, является понятием, сущностно определяющим глубокий перманентный социокультурный кризис, прослеживаемый в российской истории. По мнению исследователя, Россия оказалась между двух цивилизаций (либеральной и традиционной), которые сосуществуют в едином историческом пространстве. Это ведёт к постоянному расколу традиционных и модернизаторских (либеральных) культурных матриц, то есть к патологическому состоянию российского социума.

На мой взгляд, в российской истории можно фиксировать несколько видов социокультурного раскола: церковные, ментально-сословные (на «почву» и «цивилизацию»), условно «институциональные» (государства и общества, на «земщину» и «опричнину» и др.), межкогортные и внутрикогортные, поколенческие и др. Каждый из них, посвоему влияя на состояние российского социума, специфическим образом влиял на социализацию и воспитание (как её составную часть) подрастающих поколений, а также и остальных членов социума.

Религиозные и другие социокультурные расколы не ограничивались «делением на два», а давали в итоге несколько расколотых друг по отношению к другу общностей, то есть расколы имели множественный характер и давали множественные результаты. Это привело к тому, что, начиная с середины XVII века и по сей день, в России в единых исторических пространствах сосуществовали и сосуществуют всё большее количество социокультурных матриц (православная и старообрядческая, традиционная — московитская и модернизаторская, охранительная и нигилистическая и др.).

Расколы привели российский социум к началу XX века в такое состояние, которое позволило Н.А. Бердяеву сделать вывод о том, что «русское общество — самое расколотое общество» (очень подозреваю, что эти слова остаются справедливыми и спустя столетие), что, видимо, и предшествовало катастрофе, начавшейся в 1917 году.

Тема раскола становится весьма актуальной во второй половине 80-х годов и далее в 90-е годы XX столетия, а также в нулевые годы XXI века, «обогащаясь» расколом государства, этнических сообществ, поколений и т.д. Весьма любопытно, на мой взгляд, то, что эта тема первоначально и наиболее «громко» была заявлена не в обществознании, а в искусстве. В 1988 году появляется концертный альбом архипопулярной в те годы рок-группы «Nautilus Pompilius», получивший название «Раскол». В 1992 году выходит сериал режиссёра Сергея Колосова «Раскол» о II съезде РСДРП и расколе на большевиков и меньшевиков. Рефлексия, усиленная и углублённая российскими реалиями, продолжается в искусстве сериалом Николая Досталя «Раскол», вышедшим в 2011 году, о людях расколотого никонианскими реформами российского «истеблишмента» середины XVII века.

Фундаментальный труд А.С. Ахиезера вышел в свет лишь в 1991 году весьма незначительным тиражом и до сих пор (несмотря на переиздание), как я думаю, остаётся достоянием рафинированной части научной элиты. А упоминавшиеся выше артефакты культуры имели самое широкое распространение.

Попутно замечу, что для русской истории довольно типично, когда тектонические сдвиги в социуме предваряются появлением культурных артефактов. Стоит вспомнить Великие реформы Александра II и его сотрудников (например, реформе образования предшествовали статья Н.И. Пирогова и другие журнальные публикации на «школьную» тему). Повести «Оттепель» Ильи Эренбурга и «Не хлебом единым» Владимира Дудинцева стали провозвестниками XX съезда КПСС. Вышедшие на экраны в 1986 году фильмы Тенгиза Абуладзе «Покаяние» и Юриса Подниекса «Легко ли быть молодым?», а также «шквал» литературных и публицистических текстов, появившихся во второй половине 1980-х годов, стали предтечами не только перестройки, но и смены эпох в России.

Секуляризация, условно говоря, проблемы раскола, переход к рассмотрению раскола как социокультурного феномена привели к появлению различных определений понятия «раскол», которые нередко толкуют его, как мне кажется, либо редукционистски, либо безбрежно расширительно. Приведу соответственно два довольно «свежих» определения как иллюстрацию сказанного.

«Раскол. Термин, заимствованный из теологии. Означает раскол политической системы по этническим или идеологическим признакам (и только!? — *А.М.*). Используется в довольно широком смысле, иногда, чтобы указать на расхождения в величинах, например, при социальном расслоении общества» (http//www.slovari-online.ru/word).

И вторая иллюстрация — безбрежность определения. «Раскол — особое патологическое состояние социальной системы, большого (видимо, больного. — *А.М.*) общества, характеризуемое острым застойным противоречием между культурой и социальными отношениями, распадом всеобщности, культурного основания общественного вос-

производства, пониженной способностью преодолевать противоречия между менталитетом и социальными отношениями, обеспечивать гармоничный консенсус» (http//www.slovari-online.ru/word).

Секулярные аспекты проблемы раскола приобрели столь существенную значимость в жизни российского социума, в бытии российского общества, в функционировании российского государства, что постепенно стали предметом рефлексии ряда современных философов, культурологов, политологов (В.К. Шумилов). А педагогика, да и психология тоже, насколько я знаю, по сию пору не увидели предмета своего интереса в проблеме раскола.

Проблематика социокультурного раскола, поставленная, и в той или иной мере и в тех или иных аспектах, рассматриваемая уже в работах русских философов и публицистов XIX–XX веков, осталась вне поля зрения отечественных педагогов того времени и нынешних историков педагогики (во всяком случае, мне не припоминаются соответствующие работы, появившиеся тогда и сейчас). Естественно, что в работах по истории педагогики и воспитания в России XVII века упоминается церковный раскол 1653–1656 годов, но лишь как исторический факт, без серьёзного анализа его влияния на собственно педагогические проблемы. Это, конечно, жаль, ибо существенно ограничило описание, анализ, объяснение контекста воспитания, весьма обеднило и сделало однобоко-ущербной картину педагогической действительности и её рефлексию в трудах педагогов-теоретиков и в педагогической публицистике. Впрочем, имплицитно социокультурный раскол отразился, как мне представляется, в русской педагогике XIX — начала XX веков, ибо вся она (даже та, которая была занята церковно-приходскими школами) фактически «работала» в рамках модернизаторской матрицы, игнорируя (а может быть, и не понимая) наличие другой — традиционной (я её называю вслед за А. Яновым московитской, восходящей к Московии XVII века), и уж тем более не беря во внимание матрицы, порождённые и порождаемые другими видами расколов того времени.

В современной педагогической литературе и словарно-справочных изданиях мне не удалось обнаружить статей, посвящённых расколу как социально-педагогическому феномену.

В педагогическом знании для начала вполне достаточно принять дефиницию раскола, данную Ю.А. Левадой: «Ценностный раскол, воплощённый в противостоянии небольшой (относительно. — *А.М.*), но значимой группы доминирующей традиции, системе, строю».

Это определение, видимо, универсально, ибо, как об этом свидетельствует история, расколы всегда имеют то или иное ценностное основание, будь то церковный или поколенческий, а также любые другие расколы. Ценностное основание любого раскола не может, очевидно, оставаться нейтральным по отношению к его субъектам, будь то поколения, религиозные общности или что-то иное. Следовательно, именно ценностное основание определяет содержательные, а нередко или, как правило, и процессуальные аспекты становления средой или контекстом социализации появившихся в результате раскола субсоциумов, социальных или иных слоёв, групп (больших и малых).

Соотнося два феномена — раскол и социализацию — можно обнаружить весьма любопытные сближения, о некоторых из которых скажу особо, предварительно напомнив моё понимание социализации.

Социализация — развитие и самоизменение человека в ходе усвоения и воспроизводства культуры. Социализация происходит во взаимодействии человека со стихийными, относительно направляемыми (государством и его институтами, например, определение возрастов поступления в школу, совершеннолетия, выхода на пенсию и мн. др.) и целенаправленно создаваемыми условиями развития и ценностной ориентации на всех возрастных этапах (воспитания). Такая трактовка позволяет рассматривать сущность социализации как

сочетание приспособления и обособления человека в социуме.

Изучение ценностных оснований различных расколов позволяет предполагать (а в ряде случаев и утверждать) наличие более или менее существенной зависимости от них тех или иных характеристик социализации.

Так, приспособление и обособление человека в субсоциумах или в общностях, в которых он оказался в результате какого-либо раскола (по воле исторического провидения, по своей ли воле или даже по воле случая), приобретают, видимо, специфические проявления. Первоначально в любом случае перед человеком встаёт в качестве приоритетной проблема (или задача, если проблема им осознана) приспособления к ценностям, нормам, поведенческим сценариям образовавшейся общности. Проблема обособления в течение периода, условно говоря, первоначального приспособления становится неактуальной и отходит на второй план. Но эта проблема не исчезает. Неактуальным, а порой даже опасным, становится лишь индивидуальное обособление или обособление малых общностей. Сам же раскол (неважно какой) приводит к появлению каких-либо «мы» и «они», то есть к обособлению субсоциумов, социальных и иных слоёв, больших групп. Одни из них допускают, предполагают или даже стимулируют обособление внутри своей общности тех или иных групп и индивидов, а другие ограничивают, преследуют, наказывают попытки обособления как индивидуального, так и отдельных групп.

Далее, в зависимости от того, какие ценности лежат в основе раскола, в образовавшихся вследствие его общностях (массовых, больших, порой даже в малых) социализация входящих в них людей имеет преимущественно или в большей или меньшей степени субъект-объектный (когда общность — субъект, а образующие её люди — объекты её воздействия) или субъект-субъектный (когда субъектами выступают и общности, и входящие в них люди) характер. Например, можно полагать, что внутрикогортный межпоколенческий раскол образованной молодёжи во второй половине XIX века привёл к тому, что поколение так называемых «белоподкладочников» (студентов, не участвовавших в политических акциях), очевидно, социализировалось в большей мере по субъект-субъектному варианту, а их антагонисты — по субъект-объектному (субъектом выступало поколение студентов, объединённых идеологией народничества и её позднейшими вариантами вплоть до марксистской). Это, если действительно имело место (а полагать так позволяет анализ мемуарной и художественной литературы), можно попытаться объяснить следующим образом. «Белоподкладочники» идентифицировали себя как студентов, как дворян-мещан-разночинцев и пр., как членов тех или иных землячеств и/или клубов и т.д., и т.п. Вследствие этого они могли не считать себя (конечно, имплицитно в подавляющем большинстве случаев) связанными какой-то одной системой ценностей, что, безусловно, просматривается у их антагонистов-студентов, более или менее активно связанных с протестными вплоть до революционных движений.

Попутно надо пояснить, что когорта понимается как совокупность людей одного возраста (± несколько лет), а поколение — метафора, обозначающая различные части той или иной когорты, которым присущи те или иные наборы норм, ценностей и поведенческих сценариев.

Ещё один аспект: расколы не могли не влиять на то, какие механизмы социализации преобладали в возникших субсоциумах и пр. общностях, а также на содержательные характеристики функционирования одних и тех же механизмов в этих общностях. Имеются в виду охарактеризованные мною в 1983 году в работе «Личность школьника и её воспитание в коллективе» социально-педагогические механизмы социализации: традиционный — через семью и ближайшее социальное окружение; стилизованный — через субкультуры; институциональный — через институты и организации общества и государства; межличностный — через взаимодействие

со значимыми лицами; а также механизм киберсоциализации (В.А. Плешаков), основным транслятором которого является Интернет.

Например, традиционный механизм социализации был и остаётся наиболее эффективным и у православных-никониан, и у староверов. Однако его содержательные характеристики весьма различны изначально. Со временем эти различия усугубились. Среда староверов сохраняла большую меру изолированности (не по своей воле зачастую), что консервировало те ценности, нормы, обычаи, которые транслировались от поколения к поколению в семьях и общинах через традиционный и межличностный (довольно жёстко встроенный в традиционный) механизмы социализации. Православные-никониане, не испытывая прессинга власти (кроме советского периода) и гнета стигматизации (ведь термин-стигмат «раскольники» как официальное наименование старообрядцев был признан юридически ничтожным лишь в 1905 году), со временем всё больше и больше стали социализироваться не только с помощью традиционного, но и с помощью институционального, стилизованного, межличностного, а в последнее время и кибермеханизма социализации.

Можно полагать (и для этого есть немногочисленные исследовательские данные), что расколы того или иного свойства создают условия, в которых специфическим образом проявляются и другие универсальные характеристики социализации. В общностях, формирующихся вследствие того или иного раскола, различно соотношение стихийной, относительно направляемой и относительно социально контролируемой составляющих социализации. Так, до социокультурного раскола вследствие петровских преобразований стихийная социализация во всех социальных слоях если и различалась, то более или менее незначительно, в зависимости от материального положения семей. Петровский раскол привёл к тому, что к середине — последней трети XVIII века стихийная социализация «почвы» и «цивилизации» получила весьма существенные, если не сказать кардинальные, различия (о них в следующей статье подробно), во-первых. Во-вторых, в «цивилизации» появилось и стало набирать силу воспитание (относительно социально контролируемая социализация), понимаемое как относительно осмысленное взращивание человека в соответствии со спецификой целей организаций и групп, в которых оно осуществляется (в данном случае в семье, в шляхецких корпусах, институтах и пансионах благородных девиц и др.).

Ценностные основания того или иного раскола определяют различия в функционировании не только социально-педагогических механизмов социализации, о чём кратко сказано выше, но и психологических механизмов (подражания, экзистенциального нажима, рефлексии и др.), а также содержательное наполнение универсальных средств социализации. В условиях, создаваемых тем или иным расколом, по-разному идёт взаимодействие субъектов с различными факторами социализации. Можно продолжить примеры соотношения феномена раскола с феноменом социализация.

Думается, что педагогике следовало бы внимательно отнестись к самому феномену раскола. Важно найти и использовать источники, которые позволят охарактеризовать каждый их названных выше расколов с точки зрения их влияния на:

- быт и бытие российского социума и его отдельных сегментов как среды социализации подрастающих поколений и не только;
- содержание, средства, механизмы социализации различных социальных, гендерных и возрастных групп населения;
- становление и функционирование воспитания как социального института, специфику семейного, религиозного, социального, а затем и диссоциального (осуществляемого в криминальных, тоталитарных — квазикультовых, экстремистских и т.п. общностях-организациях) и коррекционного воспитания в различных этноконфессиональных, социокультурных и регионально-поселенческих слоях населения.

2015